

„Смѣна Вѣхъ.“ — Сборникъ статей: Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В. Борбрищев-Пушкина, С. С. Чахотина и Ю. Н. Потѣхина. — Прага. — 8 франковъ.

Настоящій сборникъ несомнѣнно имѣетъ большой успѣхъ. Онъ вызывается не столько содержаниемъ статей, сколько биографическими свойствами ихъ авторовъ. Трое участниковъ сборника вообще мало извѣстны, — съ политической стороны до сего времени и совсѣмъ неизвѣстны. Трое другихъ — Ключниковъ, Устряловъ, Борбрищев-Пушкинъ — были ближайшими участниками бѣлаго движенія, въ Сибири и на Югѣ, у адмир. Колчака и ген. Деникина. И вдругъ всѣ шестеро перометнулись въ большевистскій станъ... Это было бы ихъ личнымъ, мало кому интереснымъ дѣломъ, если бы оно не сопровождалось поклоненіемъ этихъ лицъ тому, что до того ими сжигалось, и сожженіемъ того, чему раньше они клали низкіе поклоны. А, главное, — еслибы заинтересованные круги не придали этому очередному «перелету» значенія крупнаго «событія», — не то литературной сенсациі, не то политическаго скандала. Подумайте только: самъ Троцкій удостоивѣрилъ, что авторы — «не какіи-нибудь продажныя души, желающія получить серебрянники отъ совѣтской власти!»... А «Правда» рекомендуетъ каждой губерніи приобрести по экземпляру сбор-

ника для того, чтобы воспользоваться «хотя бы элементами его идей для воспитанія военныхъ работниковъ»...

Каждый изъ авторовъ беретъ подъ свою защиту ту или другую сферу большевистской теоріи и практики и отстаиваетъ ее съ своей точки зрѣнія, обыкновенно мало согласованной съ точкой зрѣнія своего сосѣда по сборнику.

Одинъ преклоняется передъ «самымъ фактомъ длительного существованія совѣтской власти» (стр. 85). Другой возноситъ ей осанну потому, что «руссаго крестьянина и рабочаго соблазнило не то, что онъ получить въ собственность лишніе пять десятинъ земли, и не то, что онъ самъ себя выдастъ патентъ на умѣренность и аккуратность въ законно-избранномъ Учредительномъ Собраніи. Его соблазнила мысль пострадать за рабочихъ и крестьянъ, за униженныхъ и оскорбленныхъ всего міра. Чисто по-русски. — «пострадать» (стр. 40). Третьяго поразила глубина «творческихъ идей» большевизма (стр. 123) и т. д.

Одинъ пророчествуетъ: «третьей Россіи не будетъ», — «Кризисъ кончился. Положенію опредѣлилось. Или признайте эту, неопровержимую вамъ Россію, или оста-

вайте безъ Россіи... «Третьей революціи не будетъ». (Стр. 90). А другой увѣряетъ, что, въ сущности, и второй революціи-то не было: была всего одна и иной не надо. «Въ 17-мъ году въ Россіи вовсе не было политической революціи. То, что принято считать ею — конецъ февраля и первые дни марта — было скорлупостиглиной смертью монархіи. Только въ октябрѣ народъ сознательно (конечно, соотвѣтственно уровню сознания) воплотилъ свою волю. Брестскій миръ и Ленинъ въ сущности являются единственными подлинными завосвапіями революціи» (стр. 171). Это философія Потѣхина о «Физикѣ и метафизикѣ русской революціи». Ему вторитъ Лукьяновъ, противопологающій февральскому перевороту октябрьскую революцію.

Ключниковъ видитъ «весь смыслъ второй октябрьской революціи» въ томъ, что «управленіе страной перешло къ самому народу», — «онъ самъ взялся управлять ею». (стр. 37). А его коллега Бобрищевъ-Пушкинъ видитъ весь смыслъ — въ установленіи диктатуры активнаго меньшинства, въ «опроверженіи теоріи народоправства»: — «если стоять на принципѣ большинства, то никогда не будать проведена ни одна рѣшительная реформа, потому что большинство всегда за старину и безъ ломки обывателю всегда кажется удобнѣе» (стр. 122).

Было бы утомительнымъ и

неблагодарнымъ трудомъ сопоставлять все противорѣчія, въ которыя впадаютъ авторы сборника другъ съ другомъ и съ самими съ собою. Ограничиваясь указанными для примѣра, приходитея перейти къ анархонизмамъ, которыми страдаютъ авторы: они сплошь да рядомъ служатъ «за здоровье» тамъ, гдѣ апологируемые ими большевики сами давно уже стали служить «за упокой». Большевицкая власть уже свыше полъ года какъ отмѣтила безудержный ростъ собственническихъ инстинктовъ. Она перемѣнила даже свой «курсъ» подъ влияніемъ натиска антиколлективистической «мелко-буржуазной стихіи». По некоммунистическимъ октябристамъ — октябристамъ перваго призыва: не 25 октября семнадцатаго года, а 17 октября пятаго — коммунисты не указъ. Бобрищевъ-Пушкинъ большой ленинецъ, чѣмъ самъ Ленинъ, и по нему — «переоцѣпка «сятого права собственности» — главная творческая идея, главная заслуга великой русской революціи» (стр. 173). Иногда такіе анахронизмы носятъ уже совсѣмъ курьезный характеръ. Такъ, не успѣлъ Потѣхинъ отмѣтить: «Самый языкъ и стиль Чичеринскихъ нотъ, столь непохожихъ на обычныя дипломатическія ноты, развѣ не являются они по грубости и прямолинейности своей типично русскими?» (стр. 176), — какъ большевицкое «Роста» оповѣстило, что

Чичоринъ представилъ докладъ объ измѣненіи дипломатическихъ пріемовъ совѣтской власти въ смыслѣ ихъ «приближенія къ формамъ, освященнымъ опытомъ...»

Если отвлечься отъ отдѣльныхъ частностей и противорѣчій, то въ качествѣ общаго всемъ авторамъ можно какъ бы вынести за скобки нижеслѣдующее. отождествляя большевистскую власть съ Россіей и властью русскаго народа, участники сборника призываютъ пойти къ ней «въ Капоссу», покааялись въ своихъ грѣхахъ передъ ней — alias: русскимъ народомъ и Россіей. Тройкій рядъ соображеній и настроеній лежитъ въ основаніи этого вывода: признаніе непреложности факта большевистской эволюціи; своеобразно ощущаемое и понимаемое чувство оскорбленнаго патриотизма; и, наконецъ, провидѣніе того, что большевистская власть лучше всего, что могло бы вмѣсто или послѣ нея быть. Параллельно этимъ рядамъ идетъ рядъ разсужденій о томъ, что Ленинъ и «вся русская интеллигенція» едино суть; что большевистская власть есть данная, а потому и подлинная ипостась извѣчнаго разума русской исторіи и, потому, всё другія «ипостаси», бывшія или заявляющія претензіи на бытіе въ будущемъ, — являются уклономъ отъ предначертаннаго Россіи и русскому народу пути. Отсюда исходитъ всё славосло-

вія и пророчества — о судьбахъ русской интеллигенціи и революціи. Сюда же возвращаются всё проклятія и изобличенія «третьей революціи» и «третьей Россіи».

Казалось бы, что общаго между революціей и Ключниковымъ? Между Бобринцевымъ, Пупкинымъ и социализмомъ? Что они революціи и что революція имъ? Тѣмъ страннѣе слышать по адресу «полу-лѣвыхъ социаль-революционеровъ и меньшевиковъ» упреки въ томъ, что «въ осторожности политическихъ дѣятелей первой половины 1917 года и была ихъ величайшая, непростительная ошибка, ихъ преступленіе передъ Революціей, а слѣдовательно передъ Россіей» (стр. 83). Это нишуть тѣ самые, со стороны которыхъ въ первой половинѣ 1917 г. обвиненія или какъ разъ въ обратномъ направленіи, — въ чрезмѣрномъ «углубленіи» революціи. Сейчасъ Ключниковъ наставительно доказываетъ, что «умѣренные революционеры органически неспособны понять международный и міровой смыслъ русской революціи, и настойчиво поощряютъ международную реакцію» (стр. 44). Позволительно все-таки спросить: что «поощрялъ» тотъ же авторъ три года тому назадъ въ Сибири, когда вкулъ съ другими пизвергалъ «умѣренныхъ революционеровъ», входившихъ въ составъ т. н. Уфимской Директо-

рѣи и въ качествѣ министра адм. Колчака избоблчалъ мнѣшую ихъ связь съ его пынѣшними покровителями — большевиками?...

Надо имѣть въ виду политическую жизнѣдѣтельность главнаго вдохновителя «Смѣны Вѣхъ», — чтобы понять, почему весь «пафосъ» сборника сосредоточенъ именно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о «людяхъ типа Авксентьева и Керенскаго».

«Повеюду въ Россіи, въ Петроградѣ и въ Москвѣ, въ Самарѣ, въ Казани, въ Уфѣ, въ западной Сибири, на Дальнемъ Востокѣ, а позже и за границей: — въ Прагѣ, въ Парижѣ — повсюду и въ теченіи всей революціи они неизмѣнно выступали съ одними и тѣми же лозунгами, съ одними и тѣми же политическими приѣмами.... Честъ имъ и хвала за постоянство и пастойчнвость. Но давно пора бы имъ замѣтить, что именно ихъ лозунги и ихъ тактика менѣе всего пригодны для революціи. (Курсивъ Ключникова)... Только они подлинныи выразители воли пародной. Но стоило имъ появиться гдѣ-нибудь, какъ тотчасъ же ихъ сметала либо «кучка гнусныхъ насильниковъ» въ лицѣ большевиковъ, либо «кучка гнусныхъ реакціонеровъ» въ лицѣ казаковъ, офицеровъ, генераловъ, помѣщиковъ и купцовъ... Непрактичныи, недисциплинированныи, хаотичныи по натурѣ и по историче

скому воспитанію — такіе «каковы они есть», они призваны лишь поддерживать русскій хаосъ и русское государственное разложеніе. Никакая черная сотня не страшна такъ для русскаго прогресса, какъ они, потому что сила черныхъ сотенъ есть лишь отраженіе и отзвукъ ихъ силы. Половины ужасовъ большевизма не было бы, если бы не ихъ флматическія выступленія, съющія ужасы... Если есть сейчасъ различныи типы русскаго большевизма, изъ которыхъ одни болѣе опасны, а другіе менѣе опасны, то — безусловно — прѣшнй эсъ-эровскій большевизмъ есть самый опасный изъ всѣхъ. Съ нимъ — а быть можетъ, и только съ нимъ — должна вести сей часъ борьбу Россіи, поскольку она хочетъ и должна остаться Россіей» (стр. 25 и 26).

Если откинуть нѣсколько несомнѣнно бредовыхъ идей, изложенныхъ въ этомъ отрывкѣ, — можно сказать, самъ авторъ не замѣчаетъ тѣхъ комплиментовъ, которые расточаетъ «людямъ типа Авксентьева и Керенскаго», принципиально противопоставляя ихъ людямъ своего «типа», — вчера бѣлыхъ реакціонеровъ, сегодня — красныхъ революціонеровъ, а завтра, вѣроятно, черныхъ реставраторовъ. Можно съ полнымъ морально-политическимъ правомъ считать гражданской добродѣтелью не походить на ту разнovidность русской

интеллигенціи, о которой С. Л. Франкъ въ «Вѣхахъ» справедливо говорилъ, что ея «морализмъ есть лишь выраженіе и отраженіе ея пигилизма»...

Авторы «Смѣны Вѣхъ» устанавливаютъ свое идеологическое родство съ авторами старыхъ «Вѣхъ». Это въ значительной степени вѣрно. Не только Ключниковъ и Устряловъ называютъ Струве «такимъ глупокимъ и смѣлымъ въ мысли» «носителемъ подлиной русской идеи», «чувствующимъ мистику государства и націи», «упоеннымъ Богомъ, величіемъ государственной идеи» и т. д., — но и самъ П. Б. Струве публично признаетъ значимость идеологии «Смѣны Вѣхъ».

Достаточно напомнить лестный отзывъ Струве о «національ-большевикѣ» Устряловѣ, которому онъ противопоставлялъ «старо-рѣжимную» (такъ расшифровалъ Струве литеры «с.р.») психологию тѣхъ «розовыхъ», которые ни «красны», ни «бѣлы» и неспособны вообще къ революціонной борьбѣ. Общность нѣкоторыхъ умонастроений идетъ и дальше. Одинаковой «революціонной чешоткой», какъ называлъ какъ-то самъ Ленинъ заболѣваніе революціонной фразой, оказываются одержимы «итесцы гнѣзда Петрова» независимо отъ того, куда ихъ заноситъ вѣтеръ: въ большевистскій или антибольшевистскій станъ.... Сопоставьте, къ примѣру, вышеприведенную тираду

Ключникова съ призывомъ, напримѣръ, Григ. Ландау о томъ, чтобы «устрапить всѣхъ промѣжточныхъ, всѣхъ эволюционистовъ, всѣхъ постепеновцевъ и примиренцевъ, всѣхъ социалистическихъ сторонниковъ торговли, всѣхъ буржуазныхъ поклонниковъ социализма, всѣхъ либеральныхъ любителей совѣтовъ, всѣхъ совѣтскихъ воздыхателей по демократіи» («Руль» № 273), — и вы сразу установите общность политическихъ корпей и устремлений у того и у другого. У учениковъ, какъ и у учителя, независимо отъ того, по какимъ политическимъ лагерямъ они практически распредѣлились, идеологическій «паеосъ» сосредоточенъ не на борьбѣ съ «бѣлыми» или «красными», а на борьбѣ съ тѣми, кого они называютъ «розовыми»...

Если, говоря объ идеологическихъ и политическихъ истокахъ «Смѣны Вѣхъ», приходится говорить о «Вѣхахъ» и о Струве; то по моральной своей генеалогіи «люди типа Ключникова» восходятъ гораздо къ худшему, и болѣе лизменному источнику. Несвольно припоминается образъ Фаддея Булгарина. Присягая мартовской революціи, затѣмъ, чтобы се впоследствии предать; присягая адм. Колчаку и «бѣлому» движению, чтобы впоследствии переменить къ тѣмъ, въ ненависти къ кому клялись раньше все тою же своей любовью къ родицѣ, — лю:

ди типа Ключникова «пятнаютъ» своею близостью и дружкой всякаго, съ кѣмъ соприкасаются....

Врядь ли поэтому могутъ имѣть практическое значеніе морально-политическіе призывы, исходящіе изъ такихъ усть. Всѣ знаютъ печальный опытъ, постигшій лѣвыхъ эсъ эровъ, пошедшихъ «на работу» съ большевистской властью въ первые же дни ея утвержденія. Они пошли на это во имя российской и міровой революціи и стошли отъ большевиковъ послѣ Брестскаго мира. Оттого, что авторы «Смѣны Вѣхъ» считаютъ Брестскій миръ «подлиннымъ завоеваніемъ революціи», существо дѣла врядь ли мѣняется въ пользу авторовъ «Смѣны Вѣхъ». И если о лѣвыхъ эсъ эрахъ Ленинъ выразился, что они предпочли войти въ исторію жертвами, а не дураками, то о людяхъ типа Ключникова нельзя будетъ сказать и этого: ибо люди этого типа и жертвенность двѣ вещи «не совмѣстны».

Призывамъ «Смѣны Вѣхъ» не повѣрятъ ни тѣ, кого они зовутъ, ни тѣ, къ кому они зовутъ. Послѣднію до времени могутъ, конечно, использовать авторовъ сборника, какъ клаку въ тѣхъ странахъ Запада, гдѣ

для открытой дѣятельности російскимъ большевикамъ ставятся полицейскія препятствія. Авторы сборника до времени могутъ пытаться обмануть европейское общественное мнѣніе, выдавая себя (напр., въ „L'Ege Nouvelle“ отъ 12 — XI) за «лѣвыхъ либераловъ», вступившихъ въ «лѣвый блокъ» съ большевиками. Но повѣрятъ имъ — и въ Россіи, и на Западѣ — только тотъ, кто ихъ не знаетъ: кто не зпалъ ихъ въ прошломъ и не знаетъ ихъ вѣса и значенія въ настоящемъ.

Успѣхъ «Смѣны Вѣхъ» настолько окрылил надеждами ихъ авторовъ, что они приступили къ изданію ежемѣсячнаго журнала подъ тѣмъ же названіемъ подъ редакціей Ю. Ключникова. При этомъ упущень былъ психологически-элементарный «законъ», — всякій скандалъ или сенсація не терпятъ повторенія: затягиваясь во времени, они теряютъ силу притяженія.... Одинъ разъ можно съ интересомъ послушать, какъ «бѣлый» изъясняется на языкѣ «красныхъ». Но какой смыслъ дѣлать это вторично или многократно? Зачѣмъ нужна копія и имитаторъ, когда имѣется оригиналъ? Къ чему «Смѣна Вѣхъ», когда есть «Новый Міръ»?

М. Вишнякъ.